

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-ға 90 жыл
Қиыр Шығыс кафедрасына 30 жыл
Орталық Азия корейтанушылар ассоциациясына 10 жыл

XII Орталық Азиядағы корейтану бойынша
ғылыми-тәжірибелік конференция материалдарының
ЖИНАҒЫ

**“ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ДӘУІРІНДЕГІ
ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ КОРЕЙТАНУДЫҢ
РӨЛІ МЕН БОЛАШАҒЫ”**

Ал-Фараби ҚазҰУ 90жыл
한국학과 30주년
중앙아시아 한국학교수 협의회 10주년

**“인공지능 시대 중앙아시아
한국학의 역할과 전망”**

제12회 중앙아시아 한국학학술대회
자료집

Алматы 2024 жыл
Алматы 2024년

Лазиза Алимова
Ташкентский государственный
университет востоковедения,
Узбекистан
lazizo4ka@mail.ru
+998909827779

Республика Корея является одной из новых индустриальных стран (НИС) Восточной и Юго-Восточной Азии, где наблюдался рост участия женщин в период быстрой индустриализации страны. Главной стратегией экономического развития Южной Кореи, как и других «азиатских тигров» (Сингапура, Гонконга и Тайваня), на начальном этапе индустриализации стала трудоемкая, ориентированная на экспорт индустриализация и создание экспортно-перерабатывающих зон.

Быстрый экономический рост в Южной Корее начался в период режима Пак Чжон Хи в 1962 г. с началом реализации первого Пятилетнего экономического плана. С этого момента в течение нескольких десятилетий рост ВВП на душу населения составлял 7%⁷.

В этот период наблюдалась массовая миграция населения из сельских районов в города. К середине 80-х гг. XX в. почти половина работников обрабатывающей промышленности была сконцентрирована в столице страны – Сеуле⁸. Исследователи отмечают двойственный характер экономического роста страны, когда параллельно действовали очень крупные семейные бизнес-конгломераты (재벌 *chaebol*), щедро субсидировавшиеся государством, имевшие кредитные и налоговые льготы, а также доступ к иностранным инвестициям, с одной стороны – мелкие и средние индивидуальные и семейные предприятия, имевшие ограниченный доступ к государственным льготам и иностранным инвестициям. Тем не менее, число самозанятых и работников семейных предприятий было значительным.

В начале XXI в. доля занятых в неформальном секторе достигала 30%⁹. Необходимо отметить, что число людей, занятых в неформальном секторе, значительно зависит от нескольких факторов, среди которых уровень образования и считается, что наименее образованные мужчины и женщины, как раз работают в неформальном секторе.

Anton M.C., Choi Moonkyung. Women's incorporation into the urban economy of South Korea // Transformations in Twentieth Century Korea. Ed. Chang Yun-Shik, Lee S.H. New York: Routledge, 2017. – 396 p. – P.311.

Cheng Lu-Lin, Gereffi G. The Informal Economy in East Asian Development // International Journal of Urban and Regional Research. 1994. №18 (2). – P.194-219.

Anton M.C., Choi Moonkyung. Women's incorporation into the urban economy of South Korea... – P.311.

Что касается формального сектора городской экономики, то выясняется, что он характеризуется некоторыми жесткими условиями. Например, из-за концентрации населения в столице и других крупных городах Южной Кореи и сравнительно слабой инфраструктуры общественного транспорта, время поездок на работу и с работы довольно длительное для многих работников, особенно для матерей с маленькими детьми. Но невозможность работать неполный рабочий день значительно снижает число замужних женщин, работающих в формальном секторе экономики. Небольшой процент людей работают в сфере неформальной занятости, по данным корейских исследователей, менее 10% корейских женщин и мужчин трудятся неполный день¹⁰.

Тем не менее, сравнительное преимущество Южной Кореи в мировой торговой системе того периода заключалось в изобилии дешевой рабочей силы. Страна эффективно мобилизовала большое количество низкооплачиваемой и неквалифицированной рабочей силы, состоящей, главным образом, из молодых парней и женщин, что позволило Южной Корее специализироваться на экспорте трудоемкой продукции. Основную часть рабочих составляли незамужние женщины, мигрировавшие из сельских районов, которым не оставалось кроме как соглашаться на чрезвычайно низкую оплату труда, частично из-за отсутствия соответствующего образования или специализации¹¹.

Быстро растущая, хорошо образованная рабочая сила стала важнейшим фактором экономического успеха Кореи. В период с 1960 по 2010 гг. доля взрослых, окончивших среднюю школу или высшее образование, резко возросла с 20% до впечатляющих 87% в 2010 г.¹² В период с 1960 по 1990 гг. рост валового внутреннего продукта (ВВП) в стране достиг 9%, а степень участия женщин в экономике росла с 31% до 45%¹³. Даже после азиатского финансового кризиса 1997 г. корейская экономика сумела восстановиться и процент участия корейских женщин в производстве к 2000 г. достиг 56%¹⁴.

Экспорт Южной Кореи вырос с 41 млн долл. США в 1961 г. до 65 млрд долл. США в 1990 г., главным образом из обрабатывающей промышленности. На долю обрабатывающей промышленности приходилось 83% экспорта Южной Кореи, около 25% ее ВВП и от 5 до 10% ее годового роста¹⁵.

¹⁰ Там же.

¹¹ Жонг Вон Ли. Успехи и неудачи экономики Кореи и ее перспективы. Уроки развивающегося государства. Ташкент, 2006. – С. 218.

¹² Barro, R. J., Lee, J. W. A new data set of educational attainment in the world, 1950-2010 // Journal of Development Economics, 2013. – P.184-198.

¹³ Brinton M.C., Choi Moonkyung. Women's incorporation into the urban economy of South Korea... – P.311.

¹⁴ Там же.

¹⁵ The Korean economy. Six Decades of growth and Development. – Seoul: Woil Media, 2013. – P. 98-99.

Быстрый рост обрабатывающей промышленности сразу же отразился на изменении структуры рабочей силы: в период с 1963 по 1990 гг. число работающих женщин увеличилось в 14 раз¹⁶. Экономически активное женское население в возрасте 14 лет и старше увеличилось с 2 млн в 1960 г. до 6 млн в 1985 г., что в среднем было выше, чем у работающих мужчин, и продолжало увеличиваться до 7,5 млн в 1990 г. А в период с 1960 по 1989 гг. доля женщин в рабочей силе возросла с 28 до 47%, в то время как доля мужчин за этот период снизилась¹⁷.

Более тщательное изучение структуры рабочей силы позволяет предположить, что участие женщин имело решающее значение для успеха обрабатывающей промышленности, «двигателя» экономического развития Южной Кореи. Доля женщин, занятых в первичном, вторичном и третичном секторах, в 1963 г. составляла соответственно 69,7% и 24%. На протяжении многих лет в этой структуре произошёл значительный сдвиг, который привёл к изменению соотношения до 20, 28 и 52% в 1990 г. Самый высокий прирост был в вторичный сектор: число занятых женщин увеличилось в 11 раз – со 186000 до 2058000¹⁸.

Стремительное увеличение числа женщин – промышленных рабочих привело к расширению «женских» обрабатывающих отраслей, где женщины составляли более половины всех работающих. К ним относятся текстильное и швейное производство, производство резины и пластмасс, электронных товаров, обуви, а также производство фарфора и керамики¹⁹. В 1975 г. на долю этих «женских» обрабатывающих отраслей приходилось 70% общего объёма экспорта: в 1970-е гг. около 80% женщин в обрабатывающем секторе производили ориентированную на экспорт продукцию²⁰. На протяжении 1980-х гг. более 70% женщин, занятых в промышленном секторе, были заняты в производственном секторе, и они составляли около 40% рабочей силы в обрабатывающей промышленности²¹. Эти данные свидетельствуют, как и в какой степени корейские женщины смогли занять лидирующие позиции и превратиться в важнейшую силу промышленного развития страны.

Южнокорейские женщины также стали играть все более важную роль в сельском хозяйстве. В период с 1965 по 1990 гг. доля женщин, занятых в сельском хозяйстве, возросла с 30 до 46 человек²². Поскольку большинство молодых и активных мужчин и женщин покидали свои деревни в поисках работы в быстро растущем городском промышленном

¹⁶ Там же. – P.294.

¹⁷ См.: Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives... – P.5.

¹⁸ The Korean economy. Six Decades of growth and Development... – P.295.

¹⁹ Данные по: Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives... – P.6.

²⁰ The Korean economy. Six Decades of growth and Development... – P.296.

²¹ По данным Министерства труда РК за 1980-1989. Actual Labor Conditions of Establishment Survey. – Seoul: Ministry of Labor, 1990.

²² См.: Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives... – P.6.

секторе, сельское хозяйство оставалось на попечение пожилых людей, в основном, женщины, которые продолжали заниматься сельскохозяйственными работами.

В 1990 г. замужние женщины составляли 99% женской рабочей силы в сельском хозяйстве и рыболовстве, в то время, как молодые одинокие женщины составляли лишь 1%. В то же время, в период с 1963 по 1985 гг. доля экономически активных женщин в фермерских домохозяйствах выросла с 57 до 76%, причем более быстрыми темпами, чем в несельскохозяйственных домохозяйствах, которые показали рост с 47 до 58%²⁴. Поэтому совершенно очевидно, что южнокорейские женщины сыграли значительную роль в национальной экономике. Особенно хорошо их вклад отразился в резком увеличении числа работающих женщин в сельскохозяйственном секторе и резком росте участия женщин во вторичных и третичных отраслях промышленности.

И все же, несмотря на широкое участие женщин в экономическом развитии страны, их положение на экономической арене представляется далеко неудовлетворительным. На самом деле, до сих пор существует огромное расхождение между экономическим вкладом женщин и их экономическим вознаграждением. Это несоответствие нашло свое отражение в низком уровне заработной плате южнокорейских женщин, длительности рабочего дня и постоянном разделении труда по половому признаку.

Женщины получали меньше половины зарплаты своих коллег-мужчин, например, в 1987 г. средняя заработная плата женщин всегда была меньше половины заработной платы работающих мужчин. Только в 1988 г. женщины стали получать половину средней заработной платы мужчин. В период 1980-1988 гг. в Южной Корее была зафиксирована самая высокая разница в заработной плате между мужчинами и женщинами среди 21 страны, по которым имелись данные²⁵. Согласно отчету Министерства труда Южной Кореи об уровне заработной платы в промышленности, обрабатывающая промышленность, где занято большинство женщин, сохранила самый низкий уровень заработной платы среди отраслей промышленности и является единственной, чья заработная плата всегда была ниже среднего уровня²⁶.

Данные, опубликованные Международным Бюро труда (International Labor Office) в 1988 г., показывают, что средняя заработная плата женщин в процентах от средней заработной платы мужчин в обрабатывающей промышленности составляла 67% для Коста-Рики, 89% для Парагвая, 59% для Кипра, 68% для Чехословакии, 89% для Шри-Ланки, 58% для Сингапура.

²³ Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives... – P.5.

²⁴ The Korean economy. Six Decades of growth and Development... – P. 298.

²⁵ См.: Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives... – P.5.

²⁶ По данным Министерства труда РК за 1980-1989. Actual Labor Conditions of Establishment Survey. – Seoul: Ministry of Labor, 1990.

74% для Гонконга. Даже по сравнению со многими странами третьего мира, Южная Корея, на уровне 51%, показывает большую разницу в заработной плате²⁷.

Различия имеют место не только в заработной плате мужчин и женщин — промышленных рабочих, имеющих низкий уровень образования и квалификации, но и в заработной плате рабочих, имеющих более высокий уровень образования. В 1989 г. гендерная разница в заработной плате работников с высшим образованием составляла 100 к 68 в пользу мужчин²⁸. Кроме того, разница в заработной плате становится все больше по мере накопления лет работы. В 1989 г. первоначальная разница в заработной плате между мужчинами и женщинами составляла всего лишь 100/78. Эта разница в заработной плате увеличивается, о чем свидетельствует тот факт, что средняя заработная плата всех работающих женщин составляет примерно половину заработной платы мужчин. Увеличение разницы в заработной плате в зависимости от стажа работы хорошо видно на примере обрабатывающей промышленности. В 1989 г. разница в заработной плате между мужчинами и женщинами, работавшими менее одного года, составляла от 100 до 65 лет. Этот показатель для женщин многократно снижался до 61, 57, 53 и 51 года по мере увеличения продолжительности их трудовой деятельности до одного-двух лет, от трех до четырех лет, от пяти до девяти лет и от 10 до 14 лет соответственно²⁹. Таким образом, разрыв в заработной плате, скорее всего, будет увеличиваться по мере накопления опыта работы.

В Южной Корее женщины работают больше часов, чем мужчины. В 1983 году из 17 стран, по которым имелись данные, Южная Корея была единственной страной, где женщины работали дольше мужчин. Средний рабочий день женщин составлял 53,7 часа в неделю, а мужчин — в среднем 51,7 часа³⁰.

Кроме того, в период с 1975 по 1983 год продолжительность рабочего времени мужчин увеличилась на 6,1%, а женщин — на 9,6%³¹. Рабочий день женщин был не только длиннее, чем у мужчин, но и увеличивался более быстрыми темпами. В 1988 г. Южная Корея по-прежнему была единственной страной, где продолжительность рабочего дня женщин превышала продолжительность рабочего дня мужчин, среди 15 стран, опубликовавших данные для Международного бюро труда. В сфере обрабатывающей промышленности женщины в 1984 году работали в среднем 245 часов в месяц, что на 4 часа больше, чем у мужчин. Женщины работали в среднем 9,7 часа в день, что превышает законный 8-часовой рабочий день, по

27. Данным Министерства труда РК за 1990. Actual Labor Conditions of Establishment Survey. — Seoul: Ministry of Labor, 1990.

28. Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives... — P.7.

29. Данным Министерства труда РК за 1990. Actual Labor Conditions of Establishment Survey. — Seoul: Ministry of Labor, 1990.

30. Ibid.

сравнению с 9 часами для мужчин. Хотя в 1989 г. расхождение уменьшилось, та же картина сохранялась³².

Еще одним аспектом профессионального статуса женщин является сексуальная сегрегация рабочих мест. Структура гендерной дифференциации остается неизменной, несмотря на рост доли женщин в рабочей силе.

Например, в 1989 г. женщины составляли только 9% в традиционно мужских областях, таких как административный и управленческий секторы³³. В этом случае преобладание мужчин является еще более экстремальным, поскольку в этом районе было занято всего 0,2% от общего числа работающих женщин. В то время, как женщины составляли 22% в профессиональных секторах, это отражало лишь 5,9% от общего числа работающих женщин, и, кроме того, около 80% из них были учителями и медсестрами³⁴. В других профессиональных областях женщины занимают лишь незначительное положение. Очевидно, что в административных и управленческих профессиях по-прежнему преобладают мужчины. С другой стороны, канцелярская работа была преимущественно женским занятием. Доля работающих женщин в этой области возросла с 5,6% в 1960 г. до 36% в 1989 г.³⁵.

При полном устранении диспропорций между мужчинами и женщинами дома и на рынке труда коэффициент участия женщин в рабочей силе увеличивается с 54,4% до 67,5%, темпы роста дохода на душу населения в среднем за поколение повышаются с 3,6% до 4,1%.

На сегодняшний день женский труд используется всего на 50%, и в перспективе. В активном использовании женского труда проблема нехватки работников, особенно, на мелких и средних предприятиях могла бы быть решена³⁷.

В крупных корейских компаниях работодатели с нежеланием нанимают женщин на карьерные должности, поскольку существует мнение, что инвестиции в обучение работающих женщин не окупятся, поскольку женщины могут уйти с работы, когда выйдут замуж и заведут детей.

В январе 2012 г., несмотря на сегодняшнюю легкость доступа женщин к образованию и юридическую защиту прав женщин, коэффициент участия женщин в трудовой

³² См.: Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives...

³³ См.: Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives...

³⁴ См.: там же.

³⁵ Park Kyung Ae. Women and social change in South and North Korea: marxist and liberal perspectives... – P. 10.

³⁶ Kim Jinyoung, Lee Jong-Wha, Shin Kwanho. Gender Inequality and Economic Growth in Korea // ADB Working Paper No. 473. – Seoul: Korea University, 2016 // Gender_Inequality_and_Economic_Growth_in_Korea_pdf.

³⁷ Ли Хён-Дже. Все о бизнесе в Республике Корея. – СПб.: Питер, 2008. – С.80.